

Первая любовь — эпизод 13 из 25

Вечером того же дня собрались у Засекиных обычные гости; я был в их числе. Разговор зашел о поэме Майданова; Зинаида чистосердечно ее хвалила. Но знаете ли что? сказала она ему, если б я была поэтом, я бы другие брала сюжеты. Может быть, всё это вздор, но мне иногда приходят в голову странные мысли, особенно когда я не сплю, перед утром, когда небо начинает становиться и розовым и серым. Я бы, например... Вы не будете надо мной смеяться?

Нет! нет! воскликнули мы все в один голос.

Я бы представила, продолжала она, скрестив руки на груди и устремив глаза в сторону, целое общество молодых девушек, ночью, в большой лодке на тихой реке. Луна светит, а они все в белом и в венках из белых цветов, и поют, знаете, что-нибудь вроде гимна.

Понимаю, понимаю, продолжайте, значительно и мечтательно промолвил Майданов.

Вдруг шум, хохот, факелы, бубны на берегу... Это толпа вакханок бежит с песнями, с криком. Уж тут ваше дело нарисовать картину, господин поэт... только я бы хотела, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобы глаза у вакханок блестели под венками, а венки должны быть темные. Не забудьте также тигровых кож и чаш и золота, много золота.

Где же должно быть золото? спросил Майданов, откидывая назад свои плоские волосы и расширяя ноздри.

Где? На плечах, на руках, на ногах, везде. Говорят, в древности женщины золотые кольца носили на щиколотках. Вакханки зовут к себе девушек в лодке. Девушки перестали петь свой гимн они не могут его продолжать, но они не шевелятся: река подносит их к берегу. И вот вдруг одна из них тихо поднимается... Это надо хорошо описать: как она тихо встает при лунном свете и как ее подружки пугаются... Она перешагнула край лодки, вакханки ее окружили, умчали в ночь, в темноту... Представьте тут дым клубами, и всё смешалось. Только слышится их визг, да веночек ее остался на берегу.

Зинаида умолкла. (О! она полюбила! подумал я опять.)

И только? спросил Майданов.

Только, отвечала она.

Это не может быть сюжетом для целой поэмы, важно заметил он, но для лирического стихотворения я вашей мыслию воспользуюсь.

В романтическом роде? спросил Малевский.

Конечно, в романтическом роде, байроновском.

А по-моему, Гюго лучше Байрона, небрежно промолвил молодой граф, интереснее.

Гюго писатель первоклассный, возразил Майданов, и мой приятель Тонкошеев, в своем испанском романе Эль-Тровадор...

Ах, это та книга с опрокинутыми вопросительными знаками? перебила Зинаида.

Да. Это так принято у испанцев. Я хотел сказать, что Тонкошеев...

Ну, вы опять заспорите о классицизме и романтизме, вторично перебила его Зинаида. Давайте лучше играть...

В фанты? подхватил Лушин.

Нет, в фанты скучно; а в сравнения. (Эту игру придумала сама Зинаида: назывался какой-нибудь предмет, всякий старался сравнить его с чем-нибудь, и тот, кто подбирал лучшее сравнение, получал приз.)

Она подошла к окну. Солнце только что село: на небе высоко стояли длинные красные облака.

На что похожи эти облака? спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего ответа, сказала: Я нахожу, что они похожи на те пурпуровые паруса, которые были на золотом корабле у Клеопатры, когда она ехала навстречу Антонию. Помните, Майданов, вы недавно мне об этом рассказывали?

Все мы, как Полоний в Гамлете, решили, что облака напоминали именно эти паруса и что лучшего сравнения никто из нас не приищет.

А сколько лет было тогда Антонию? спросила Зинаида.

Уж, наверное, был молодой человек, заметил Малевский.

Да, молодой, уверительно подтвердил Майданов.

Извините, воскликнул Лушин, ему было за сорок лет.

За сорок лет, повторила Зинаида, взглянув на него быстрым взглядом.

Я скоро ушел домой. Она полюбила, невольно шептали мои губы. Но кого?

Дни проходили. Зинаида становилась всё странней, всё непонятней. Однажды я вошел к ней и увидел ее сидящей на соломенном стуле, с головой, прижатой к острому краю стола. Она выпрямилась... всё лицо ее было облитое слезами.

А! вы! сказала она с жестокой усмешкой. Подите-ка сюда.

Я подошел к ней: она положила мне руку на голову и, внезапно ухватив меня за волосы, начала крутить их.

Больно... проговорил я наконец.

А! больно! а мне не больно? не больно? повторила она.

Ай! вскрикнула она вдруг, увидав, что выдернула у меня маленькую прядь волос. Что это я сделала? Бедный мсьё Вольдемар!

Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала их вокруг пальца и

свернула их в колечко.

Я ваши волосы к себе в медальон положу и носить их буду, сказала она, а у самой на глазах всё блеснули слезы. Это вас, быть может, утешит немного... а теперь прощайте.

Я вернулся домой и застал там неприятность. У матушки происходило объяснение с отцом: она в чем-то упрекала его, а он, по своему обыкновению, холодно и вежливо отмалчивался и скоро уехал. Я не мог слышать, о чем говорила матушка, да и мне было не до того; помню только, что по окончании объяснения она велела позвать меня к себе в кабинет и с большим неудовольствием отозвалась о моих частых посещениях у княгини, которая, по ее словам, была *une femme capable de tout*¹.